

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

О. Н. Яницкий

Мобилизационная структура гражданского общества

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/YanitskyMobil_strukt.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Абстракт. В статье анализируются изменения в социально-функциональной структуре гражданского общества России под воздействием климатических аномалий лета 2010 г. (засуха, лесо-торфяные пожары, наводнения). Показывается, что эта экологическая катастрофа привела к мощной мобилизации сил этого общества, к развитию его организаций и расширению его он-лайн и офф-лайн сетей, а в ряде случаев – к замещению государственных структур, обязанных предотвращать эти катастрофы.

Ключевые слова: гражданское общество, инновации, сети, эко-катастрофа, Россия

1. Суть случившегося

Пожары и наводнения лета-осени 2010 г. по всей России были «репетицией» того, что ожидает наше общество и весь мир в недалеком будущем, если они по-прежнему будут игнорировать предупреждения ученых о грозящей катастрофе, провоцируемой изменением климата. Иными словами, это было предупреждение российскому и глобальному капитализму в его нынешнем виде, что ему грозит коллапс, если его идеологи, лидеры и топ-менеджеры и огромная масса потребительски ориентированных граждан не пересмотрят свое отношение к законам природы. Впрочем, катастрофа в Мексиканском заливе, цунами и землетрясения в Юго-Восточной Азии, периодические утечки нефти из судов международного танкерного флота, вырубка тропических лесов – все это явления того же порядка: они суть предупреждения.

Но вернемся к России. Главный вывод из случившегося летом 2010 г. заключается в том, что государство в течение последнего десятилетия фактически ликвидировало институт охраны природы, развивая при этом МЧС и другие силовые структуры, к охране природы отношения не имеющие. Люди, организации и специальная техника, десятилетиями работавшие в этой сфере, оказались ненужными нашему родному капитализму. Организации были распущены, люди уволены, а главное – огромный опыт и ноу-хау охраны и культивирования природы, оказался не нужным и растворился, исчез под грузом высокодоходной торговли ресурсами, продажи ценных земель под коттеджи богачей и т.д. Социальный капитал – это, люди, организации и связи (сети) между ними. С исчезновением данной отрасли этот капитал исчез не совсем, но превратился в индивидуальный капитал отдельных членов гражданского общества, частично оставшийся на местах, частично эмигрировавший.

Для того, чтобы любая измененная человеком социобиотехническая система (далее, экосистема) функционировала в «нормальном» режиме, *три структуры* должны существовать и действовать *согласованно*: «природная»

(то есть культивируемая человеком), встроенная в нее социальная и институт их взаимного согласования и управления (самоуправления) с соответствующими сетями обмена информацией и ресурсами.

Еще одно принципиальное соображение: при возникновении и в ходе катастрофы гражданское общество мобилизуясь, восстанавливает прежние связи и создавая принципиально новые. Оно вынуждено замещать ликвидированные государственные природоохранные службы (или специализированные, как, например, МЧС, организации) и бездействующие бизнес-институты, гораздо более эффективными собственными ячейками и связями. Парадокс: катастрофа порождает инновации! Причем, как показывает новейшая история, политическая мобилизация гражданского общества идет гораздо медленнее, чем порожденная социально-экологическими конфликтами (загрязнение Байкала, утечки нефти их трубопроводов и т.п.) или катастрофами, подобными, той, что случилась летом 2010 г.

2. Выбор метода

Экологическая катастрофа даже регионального масштаба есть явление системное. Она затрагивает людей, организации, социальную структуру местного сообщества, институты и инструменты управления. Но в не меньшей мере она касается структуры почв, растительности, животного мира и т.д., а также той меры, в которой человек вмешивается в функционирование природных систем (экосистем). Чем более человек вмешивается в них, превращая их из естественных, то есть саморегулирующихся, в искусственные, то есть зависящие от человека (будь то посеы зерновых, искусственные водоемы или лесопосадки), тем более для их поддержания нужны специализированные информация, каналы связи, структуры управления и ресурсы. Поэтому столь любимые социологами массовые опросы здесь ничем не помогут, так как они дают статистический срез (разброс мнений), а не выявляют структуру функций и связей. К тому же давно известна разница между «мнением» и реальным действием. Никакой массовый опрос в условиях нормально функционирующей экосистемы, не скажет, что будет, если случится катастрофа. Фокус-группы хороши, но они тоже дают мнение или прогноз отраслевого, а не системного характера.

Изучение самой экокатастрофы, то есть взаимосвязанного состояния и поведения социальных и природных систем в критических условиях (пожара, например) достаточно сложное дело. Однако изучение таких «случаев», (их можно также именовать ситуациями, как это делает А. Турэн), особенно когда социологу удастся попеременно быть инсайдером и аутсайдером, дает наиболее адекватные результаты, поскольку ему удастся схватить в реальном действии и связях все вовлеченные в катастрофу природные и социальные элементы и их изменение в реальном времени (замечу, что для работы этим методом социолог должен обладать всем комплексом знаний, касающихся изучаемого случая, что противоречит нынешней системе специализации выпускников вузов). Поэтому социологи занимающиеся изучением

социально-экологических конфликтов используют метод построения хроник (Яницкий, 2002; Халий, 2007; Yanitsky, 2000). Время – оповещения, реагирования, самого процесса ликвидации критической ситуации, а также время на реабилитацию экосистем – играет здесь ключевую роль. Еще в 1982 г. мною было показано, что в 90% случаев разрушенная в результате конфликта или катастрофы экосистема восстанавливается дольше, чем формируется, это стоит очень дорого и практически никогда не достигает прежнего уровня «экосистемности», то есть разнообразия и пригнанности ее разнородных элементов друг к другу, когда она в конце концов из «конструкции» превращается в саморегулируемую экосистему (Yanitsky, 1982). Необходимый для этого природный и социальный «гумус» создается десятилетиями.

Наконец, для изучения таких ситуаций пригоден метод изучения социально-экологического метаболизма, то есть «обмена веществ» между людьми и уцелевшей или пострадавшей природой. Этот метод создан давно, но его применение сопряжено с большим риском для жизни исследователя (Boyden et al., 1982; Fisher-Kowalsky and Haberl, 2007). Ведь речь идет об изучении информационных и ресурсных потоков основных игроков: властей, бизнес-структур и, населения и природы. Как известно, «деньги любят тишину», то есть сохранение тайны их источника и перемещений.

Мобилизация

Российское общество «вернулось» в годы перестройки. Беру это слово в кавычки, потому что протестуют не только убежденные демократы и экоактивисты, но и новые люди, протестуют по новым и старым поводам, но главное – протестуют люди, теперь уже *обладающие знанием*, как и что надо делать и чего делать ни в коем случае нельзя. Сегодня карта всей страны усыпана «оспинами» протеста, далеко не только экологического и, благодаря интернету, он стал видим для всех. Главный мотив гражданской мобилизации известен: «так дальше жить нельзя!». Убийства журналистов, несправедные суды, обманутые дольщики, перерождение силовых структур, коррупция, преступность и наркомания (список может быть продолжен), в результате чего гражданскому обществу остается лишь одно средство воздействия на окончательно обособившееся от него государство: протест.

Второе: интернет и другие информационные технологии стали для отдельных граждан полем и инструментом самоорганизации, независимо от воли начальства. Оказалось, что компьютер плюс мобильник и даже обычный телефон – мощное средство коммуникации и самоорганизации, как протестной, так и созидательной, конструктивной. Третье – это критическая ситуация лета 2010 г., когда вместо рисков, которые можно было как-то терпеть и на что-то надеяться, на людей обрушилась катастрофа, угрожающая в одночасье стереть с лица земли все: жилища, уголья, леса, *весь социально* и психологически обжитой ландшафт и их самих. Да, это был толчок извне, вынужденная мобилизация. Но вот что она показала.

Во-первых, оказалось, что не все члены общества равнодушны ко всему, что не касается их лично, и не все оно заражено потребительством. Более того, катастрофа мобилизовала тех, кого она никак непосредственно не затрагивала. Она в равной мере мобилизовала и ученых, и бизнесменов, и местных жителей. То есть она *консолидировала* значительную часть общества. Вместе с тем, стало очевидным: кто помогал извне, кто работал на месте, а кто отлынивал или спрятался. К последним относятся арендаторы лесных и других угодий, которых так и не смоли найти.

Во-вторых, после долгой жизни в атмосфере пиара, профанаций, прямого обмана или чисто символического поведения власть предержавших люди увидели, что есть настоящее дело и с удовольствием включились в него даже с риском для жизни. Десятки добровольных пожарных пострадали.

В-третьих, доселе дремавший социальный потенциал профессионалов и местных был *актуализирован*, потому что люди увидели, что их экстр-усилия приносят реальную помощь погорельцам и нарушенной природе. Пригодился и опыт погорельцев в прошлом. То есть катастрофа сделала их востребованными гражданами и тем самым заставила мобилизовать свой социальный потенциал.

В-четвертых, по инициативе как пострадавших, так и людей, далеких от эпицентра событий, были созданы *сайты* (форумы), где люди впервые за долгие годы не просто знакомились и «общались» (для этого есть социальные сети), а сорганизовались для конкретной помощи конкретным людям. Надо помнить, что большинство местных работало в больших городах, а их дети и родственники оставались в зоне бедствия. Важно, также что интернет обеспечил *диалог* между носителями научного и локального знания, мобилизовав и тех и других. Такие форумы – аналог ядра социальных движений.

Назову только некоторые функции таких форумов: социальная (создание «ресурсных групп» для сбора вещей и медикаментов для пострадавших и оказания иной помощи); психологическая (помочь людям найти друг друга, узнать живы ли и здоровы их родные и близкие, организовать, где нужно, профессиональную психологическую поддержку пострадавшим); ресурсная (сбор и доставка гуманитарной помощи пострадавшим); логистическая (создать сеть помощи, то есть соединить центры ее сбора со множеством точек, где эта помощь была нужна в первую очередь).

Кроме того, сайт был незаменим тем, что давал взгляд снизу и сверху: в первую очередь – свидетельства очевидцев; мнение специалистов, могущих оценить эффективность действий спасателей, властей и т.д.; уровень научных знаний местных профи; в общем – взгляд с разных точек зрения. Для социолога такая информация незаменима для построения истории (хроники) разрушения лесного хозяйства на месте и вообще – уничтожения местной жизни и поддерживающей ее инфраструктуры и природы. И, конечно, последующей реабилитации.

Наконец, сайт (форум) позволял: сравнить информацию, даваемую самими СМИ или в СМИ местной властью с тем, что было на самом деле; сравнить, что было обещано правительством и областными властями и что местные жители получили реально; выявить возникающие и будущие конфликты (как между жителями, так и между ними и властями); зафиксировать инициативы снизу (от лесников и др. специалистов); наконец – какие меры можно было предпринять заранее, чтобы минимизировать пожары и их последствия.

В-пятых, я выделяю специально *комплексность* этой помощи. Никакое ведомство, включая МЧС, не могло одновременно оказывать материальную, психологическую, врачебную помощь людям и думать о спасении природы. Я называю данную мобилизацию *экологической*, не потому что горели леса, степь или торфяники, а потому что нужно было спасти экосистемы, социальные и природные. У нас в стране система управления – ведомственная, директивная, а в критических случаях, подобно рассматриваемому, требуется интерактивная, с обязательной обратной связью.

В-шестых, экокатастрофа стимулировала в нашем индивидуализированном обществе возникновение общностей неравнодушных людей. Они одновременно оказали помощь пострадавшим и сделались нужными друг другу. Увлекаясь изучением глобальных проблем, мы забываем о важности сохранения человеческих микрокосмов. Социологи много пишут о профессиональном разделении труда в современном обществе, но катастрофа и последующая мобилизация создала в среде гражданского общества совсем иное разделение труда: *по необходимости*, то есть ситуативное. Его формы и ритм создавали не ученые и специалисты, а непредсказуемый ход катастрофы и добровольцы-спасатели, то есть неравнодушные и мобильные граждане.

В-седьмых, рассматриваемая мобилизация была *адресной*. Адресность есть форма указанной необходимости, ситуативности. В отличие от многих наших реформ, которые лишь определяют контуры будущих перемен, а потом человек годами мается, чтобы разобраться, к какой статье (пункту подзаконных актов или ведомственных инструкций) относится его случай, отличительной чертой мобилизованного гражданского общества была *прямая связь* запроса (о помощи) и его удовлетворения, что спасало одних (пострадавших) и приносило чувство удовлетворения другим (волонтерам).

В-восьмых, всю эту работу по сбору и распределению помощи добровольцы-спасатели и волонтеры старались делать *по справедливости*. Оказалось, что в нашем обществе, полном вранья и обмана, нужно поступать именно так, потому что иначе было и нельзя: в деревнях и городках все знали друг друга.

В-девятых, в критической ситуации люди «открывались». Открывались, в том числе нам, социологам. Стресс снял психологические барьеры, и врачи, представители местной власти и просто жители, пострадавшие от пожара, высказывались так, чего в обычной жизни не сделали бы никогда. Они хотели

выговориться, сказать правду о своей жизни и жизни сообщества, сбросив тем самым с себя личину «обывателя» или «служилого человека».

Наконец, в-десятых, пообщавшись на форуме, местные и не-местные, стали доверять друг другу и обсуждать более широкий круг проблем: что это было – стихия или поджоги; каким может быть прогноз на следующее лето; какова вероятность самовозгорания (от мусора или несгоревших деревьев); об эффективности пожаротушения самолетами, которую местные оценили отрицательно. А потом пошли еще более общие социальные вопросы: почему на местах русские работают в более тяжелых условиях, чем пришлые (гастарбайтеры); что нужно сделать, чтобы остановить обнищание деревни и малых городов; почему власть не слушает нас, не принимает к рассмотрению наши проекты сохранения торфяников и одновременно обеспечения пожарной безопасности? То есть снова мы как бы очутились во времена перестройки, когда после пожаров 1972 и других годов, эти вопросы ставились местными специалистами и учеными.

Фаза реабилитации

В последние 10 лет практически все законодательные решения федеральных властей создавали предпосылки для того, что случилось. Построение мною хроник множества социально-экологических конфликтов в стране (как обязательной составляющей метода изучения случая) показало, что, даже если такой конфликт не превращается в катастрофу, он проходит, как правило, следующие стадии: подготовительную фазу (невнимание к проблеме или оттяжка ее решения), фазу мобилизации противостоящих сил, собственно конфликтную и пост-конфликтную, которая может тянуться годами (Яницкий, 2002, с. 325–399). Последняя фаза может иметь волнообразный характер (затухание и вновь обострение) или же переходить в «замороженное» состояние.

В нашем случае анализ пост-конфликтной (или пост-катастрофной) фазы – я называю ее *фазой реабилитации* – имеет принципиальное значение, поскольку он будет, помимо важности этого рода практической деятельности как таковой, *индикатором модернизации* нарушенных экосистем, особенно их инфраструктурной составляющей и накопления или разрушения человеческого потенциала как местного сообщества, так и сообществ (реальных и виртуальных), возникших в ходе тушения пожаров и помощи пострадавшим. Фаза реабилитации имеет по крайней мере два этапа: «неотложную», когда пожар ликвидирован и погорельцам создаются минимально необходимые условия для жизни, и собственно реабилитационную, которая для восстановления отдельных компонентов экосистемы может тянуться от года до нескольких десятилетий. Сказанное не означает, что оптимальной задачей реабилитации некоторой экосистемы является достижение ею до-катастрофического состояния. Изучение траекторий реабилитации нарушенных и/или целиком уничтоженных

экосистем важно, поскольку оно показывает реальный вектор модернизации страны, ее скорость и используемые ресурсы.

Итак, вот главные вопросы проблемы реабилитации. Во-первых, какой будет ее стратегия: восстановление status quo, или же в самом проекте реабилитации и его реализации появятся какие-то инновационные моменты? Во-вторых, вытекающий из первого вопрос: сохранится и, если – да, то в какой степени и форме структура сетей, сложившаяся в мобилизационный период? Иными словами, будет ли гражданское общество участвовать в реабилитации или же его снова сделают исполнителем и/или сторонним наблюдателем? Общество не может пребывать все время в мобилизационном состоянии, но какой социальный потенциал, накопленный в предыдущий период, сохранится, не распылится. В-третьих, какие социальные ресурсы потребуются для этого периода? Ведь восстановление жилья уже практически закончено, коммуникации подведены, но вот что будет с вопросом, который задавали сами жители: все снова пойдет по-старому, значит, беднеть и деградировать дальше, или все же катастрофа заставит власти разработать программы реабилитации пострадавших районов? И наконец, главное: «врозь» или «вместе», то есть снова по ведомствам или же комплексно, экосистемно?

Выводы

Итак, первый тайм «репетиции» будущего заканчивается. Великие теоретики (У.Бек, Э.Гидденс) в один голос утверждают, что поведение современного социума непредсказуемо и не калькулируемо. Но давно пора бы социологам понять (и учесть в своих концепциях), что и природа столь же нестабильна и непредсказуема. Потепление климата может растянуться на десятилетия, но последние годы демонстрируют возрастание амплитуды колебаний сезонной и даже более коротких периодов погоды. Торфяники в России горят почти каждый год, жители окрестных сел и городков привыкли к этому. Но в 2010 г. ветер периодически менял направление, усиливался, местами переходя в ураган, и «низовой» медленно тлеющий пал мгновенно превращался в «верховой» огненный шквал. Чтобы справиться с ним нужны другое время и совсем другие средства.

Локальные катастрофы прошедшего лета, как ни парадоксально, пошли на пользу гражданскому обществу. Оно встрепенулось, мобилизовалось (причем совсем не по политическим причинам, хотя в это же время демократические силы пытаются начать свою мобилизацию), реально помогло людям и увеличило свой социальный капитал. Сформировались сети взаимопомощи и доверия, чего никак не могут добиться демократы. Их лидеры строят свою мобилизацию сверху вниз, тогда как летняя катастрофа заставила граждан мобилизоваться снизу вверх, причем тут же возник диалог специалистов и простых людей, почувствовавших себя гражданами. Как поведут они себя в период реабилитации: вопрос открытый. Однако вряд ли на фоне общего подъема гражданской активности, все вернется на круги своя.

Во всяком случае их сайты и форумы, снизившие сегодня свою активность, вряд ли исчезнут совсем их виртуального социального пространства. Ведь это их уникальный социальный капитал.

Развитие гражданского общества наметилось еще по двум направлениям. Одно, на котором оно борется с властными институтами уже на протяжении всего десятилетия (я имею в виду пересмотр Лесного кодекса и всей организации лесного хозяйства). Второе – это замещение части функций местной администрации силами общественных организаций, начиная от их консультативных органов, подобных гражданской организации Экоюрис, и до разработки программ реабилитации на уровне региона, в особенности особо охраняемых территорий. Ясно, что местная администрация не справится с такой комплексной задачей в одиночку, а МЧС по закону не обязано этим заниматься.

Наконец, почему еще нынешние катастрофическая и пост-катастрофическая ситуации так важны для социологического осмысления? Потому что на малых локальных объектах можно изучать *социально-экологический метаболизм* периода разрушения-восстановления данной экосистемы. То есть процессы трансформации поступающих сюда для спасения и реабилитации ресурсов всех видов: финансовых, материальных, человеческих. Ведь можно свалить гуманитарную помощь на помойку, как уже случалось. Можно отсортировать для своих лучшее, а оставшееся – «на тебе убоже, что мне не гоже». Но можно распределить ее адресно и по справедливости, а если что-то останется, сделать запас на будущее. Это – нелегкая, но необходимая задача, если мы действительно хотим бороться с коррупцией и рационально использовать наши природные и человеческие ресурсы.

Литература

- Халий, И. А. 2007. Защита Байкала: хроника конфликта // СОЦИС. № 8. С. 26–34.
- Яницкий О.Н. 2002. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск: Сибирский Хронограф.
- Boyden S., S. Millar, K. Newcombe and B. O'Neill. 1981. The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong. Canberra: Australian National University Press.
- Fisher-Kowalski M. and H. Haberl. 2007. Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use. Vienna: Klagenfurt University.
- Yanitsky O. 1982. Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice. *International Social Science Journal*. Vol. XXXIV. No 3. P. 469-480.
- Yanitsky O. 2000. Russian Greens in a Risk Society. A Structural Analysis. Helsinki: Kikimora Publications.